

Юрий Данилец¹
ŪRIJ DANILEC

[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-0592-3907](https://orcid.org/0000-0003-0592-3907)

Rocznik Teologiczny
LXIII – z. 3/2021
s. 841-882
DOI: 10.36124/rt.2021.27

Институциональные и юрисдикционные коллизии в жизни православной церкви на Подкарпатской Руси (осень 1924 г. – весна 1925 г.)²

**Institucional'nye i ūrisdikcionnye kollizii v žizni
pravoslavnoj cerkvi na Podkarpatskoj Rusi
(osen' 1924 g. – vesna 1925 g.)**

**Institutional and Jurisdictional Collisions in the Ortho-
dox Church's Life in Subcarpathian Rus (Autumn 1924 –
Spring 1925)**

Ключевые слова: Чехословакия, Подкарпатская Русь, Православная церковь, епископ Досифей (Васич), консистория, вице-губернатор

Key words: 20th century, Czechoslovakia, Subcarpathian Ruthenia, Orthodox Church, Bishop Dositheus (Vasić), consistory, vice-governor

Резюме

В статье идет речь о религиозной жизни православной церкви в Подкарпатской Руси в период осени 1924 г. – весны 1925 г. В это время чехословацкое правительство не допускало на территорию епархии Досифея (Васича), делегата СПЦ для подкарпатских православных. Вследствие системного кризиса возник церковный раскол, который духовенство пыталось преодолеть. Одним из объединительных

¹ Кандидат исторических наук, доцент Юрий Данилец, Ужгородский национальный университет

² This article was prepared with the support of the Slovak Academic Information Agency.

факторов стали попытки избрать епископа из местного монашества. Автор прослеживает позицию властей автономии по реализации данного плана. Анализируется переписка духовенства, епископов и представителей краевой власти. Отсутствие постоянного архиерея на территории Карпаторусской православной церкви тормозило процесс институционального оформления православия. Правительство пыталось спасти ситуацию, разработав и распространив на территории Подкарпатской Руси временное законодательство об изменении религии. Автор исследует инициативы Духовной консистории по примирению духовенства и укреплению положения православной церкви.

Abstract

The paper focuses on the Orthodox community's religious life in Subcarpathian Rus in the autumn of 1924 – the spring of 1925. At that time, the Czechoslovak government did not allow Dositheus (Vasić), who was delegated from the Serbian Orthodox Church to meet with Subcarpathian Orthodox believers, to enter the territory of the diocese. As a result of the systemic crisis, a church schism arose, and the clergy tried to overcome it. One of the unifying factors was the attempt to elect a bishop from among the local monks. The local authorities' position on the implementation of this plan is shown. The author analyzes the correspondence of the clergy, bishops and representatives of the regional authorities. The absence of a permanent bishop on the territory of the Carpatho-Rus Orthodox Church hampered the institutionalization process of Orthodoxy. The government sought to save the situation by developing and disseminating temporary legislation on changing religion in Subcarpathian Rus. The initiatives of the Spiritual Consistory to reconcile the clergy and strengthen the position of the Orthodox Church are analyzed.

По состоянию на осень 1924 г. на Подкарпатской Руси образовалась достаточно сложная религиозная ситуация³.

³ 2 октября 1924 г. еп. Досифей без предварительных консультаций с государственными органами Чехословакии провел в городе Хуст собрание православного духовенства, на котором было принято решение о создании в Подкарпатской Руси духовной консистории. В преддверии этого собрания А. Ю. Геровский издал листовку, представлявшую собой приглашение на

Православная церковь была разделена на два лагеря – большая часть духовенства признавала юрисдикцию Сербской православной церкви (далее – СПЦ), которой руководил епископ Нишский Досифей (Васич). Меньшая часть перешла под управление пражского архиепископа Савватия (Врабца), который получил в 1923 г. хиротонию от Вселенского патриарха. Невзирая на то, что чехословацкое правительство лично пригласило делегата от СПЦ, оно поддержало создание Пражской архиепископии, намечая на ее основании создать автокефальную православную церковь. Действия Праги спровоцировали серьезное противодействие СПЦ и огорчение правительства Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (далее – КСХС). Конфликт вызвал напряжение в политических отношениях между странами. В этих условиях возникла инициатива примирить два лагеря православных, которая закончилась безуспешно. Деятельность епископа Досифея в ЧСР и, в частности, на Подкарпатской Руси, вызвала неодобрение пражского правительства. Упомянутый архиерей оставался управляющим Карпаторусской православной церкви (самоназвание, официально не признано Правительством и СПЦ) (образована в 1921 г.) до конца 1926 г., однако, он не мог получить визу на въезд в республику. Ближайшие полгода СПЦ и местные православные активисты пытались найти выход из сложившейся ситуации. Была попытка реализовать несколько вариантов решения проблемы, однако все они закончились безрезультатно.

Анализируя архивные документы и материалы периодики можно прийти к выводу, что после отбытия епископа

указанное собрание в Хуст. В этой листовке содержались откровенные выпады против господства чехов на Закарпатье. Листовка вызвала сильное недовольство в правительственных кругах в Праге и радикально изменила отношение чехословацких властей к еп. Досифею. Именно поэтому в конце октября 1924 г. в Праге было принято решение о нежелательности дальнейшей деятельности еп. Досифея на территории Чехословакии. Дет смотри: Bureha 2009, 260–261.

Досифея архимандрит Алексей (Кабалюк) – как председатель Духовной консистории, некоторое время достойно справлялся с обязанностями руководителя Карпаторусской православной церкви. В письме на имя епископа Моравско-Силезского Горазда (Павлика) от 25 ноября 1924 г. архимандрит Алексей описывал жизнь православной церкви на Подкарпатской Руси следующими словами: „Владыка Досифей сейчас находится въ Сремск. Карловцахъ на Архіерейскомъ Соборѣ. Въ насъ Дух. Консисторія продолжаетъ свои дѣйствія. Вчера въ насъ было заседание Консисторіи на предметъ решения дальшейшаго своего дѣйствія” (AUEROBE 1).

Отсрочка решения религиозного вопроса в Подкарпатской Руси, безусловно, влияла на политическую ситуацию в крае. Близилась очередные парламентские выборы, которые могли повторить успех коммунистической партии⁴. Ответственность в случае провала проправительственных партий могла лечь на плечи вице-губернатора Антонина Розсыпала, который прекрасно осознавал все последствия. В письме от 30 ноября 1924 г. в Президиум Министерства внутренних дел (далее – МВД) он призвал „безотлагательно решить вопрос о православной церкви, тем самым предоставляя местным властям возможность успокоить ситуацию и поддерживать верховенство закона” (Archiv KPR 1; NA Praha 4). Обращая внимание на стремительный рост количества православных верующих (в документе упоминается около 100 000 человек в более чем 100 населенных пунктах),

⁴ В марте 1924 г. в Подкарпатской Руси были проведены первые выборы в Национальное собрание Чехословацкой республики, на которых убедительную победу одержали коммунисты, набравшие 39,4 % голосов. Коммунисты заняли первое место в Закарпатье и на парламентских выборах 1925 г., набрав 31,2 % голосов. Коммунисты вполне поддерживали борьбу православных общин против греко-католиков.

чиновник писал о неорганизованности церкви и отсутствии даже основных принципов этого процесса. „Должна ли проводиться организация, начиная от создания религиозных общин, или будет властью изначально назначен управляющий церковью (епископ), который проведет организацию. Нынешняя неопределенная ситуация, которая продолжается пять лет – привела к полному хаосу и порождает постоянные беспорядки и разногласия среди нетерпеливого народа” (Archiv KPR 1; NA Praha 4). Вице-губернатор обращал внимание Праги на высокую религиозность населения Подкарпатской Руси, которое, через призму решения религиозных вопросов, формирует свое отношение к власти.

А. Розсыпал рисовал два варианта развития ситуации:

- 1) если население узнает, что все его просьбы по решению религиозных вопросов до сих пор не решены, оно потеряет доверие к власти, которая, таким образом, потеряет весь свой авторитет перед ним. Если организация православной церкви здесь еще дольше будет отложена, то урегулирование и без того хаотических религиозных обстоятельств станет еще более трудной задачей для государственной администрации (установление переходов, выступлений, метрические вопросы церковного имущества, православная религия в школах, урегулирование приходов и предоставление для них субсидий из местных источников и т.д.);
- 2) если этот вопрос будет решен благоприятно для населения, оно будет вести себя лояльно к власти и выполнять все требования правительства (Archiv KPR 1; NA Praha 4).

Подводя итоги, вице-губернатор отмечал, что „сейчас, когда административные органы здесь не могут удовлетворить потребности людей в религиозных вопросах (совместное использование церковей, церковного имущества, строительство храмов, фар (церковных домов – автор) и т.д.)” (Archiv KPR 1; NA Praha 4),

православное население теряет доверие к власти и правительству, его лояльность к государству ослабевает, а с другой стороны, оппозиционные элементы, особенно коммунисты, имеют очень легкую возможность злоупотреблять ситуацией и привлечь возмущенный народ к себе, отдалить широкие массы от руководящих государственных политических партий и от государственной идеи (Archiv KPR 1; NA Praha 4).

Итак, подытоживал А. Розсыпал, „чем дальше откладывается решение дела, тем сложнее будет вернуть доверие и провести консолидацию” (Archiv KPR 1; NA Praha 4).

Канцелярия МВД переслала копию письма вице-губернатора в Министерство школ и народного образования (далее – МШиНО), подчеркнув, что решение вышеуказанного вопроса имеет важное политическое значение. Не имея полномочий для единоличного решения проблемы, министр внутренних дел обратил внимание на изложенные в письме факты Президиума Совета Министров и Канцелярию Президента Республики (NA Praha 5). Частичная реализация инициатив А. Розсыпала произошла только в январе 1925 г. Во внутренней переписке МШиНО нами обнаружена информация о переговорах с вице-губернатором и принятии решения о возвращении к первоначальному проекту, то есть, к созданию и утверждению отдельных религиозных православных общин на Подкарпатской Руси и в Восточной Словакии (NA Praha 10).

Со стороны МШиНО предпринимались шаги, которые имели цель узнать о состоянии дел по решению канонического спора в Белграде. Еще 8 ноября 1924 г. советник Вацлав Мюллер обратился в чехословацкий МИД с просьбой выяснить через посольство в столице КСХС, начал ли работу Собор СПЦ и рассматривался ли на его сессиях упоминаемый вопрос (AMZV 1). 4 декабря 1924 г. посол Ян Шеба переслал в МИД краткий анализ выступления епископа Досифея на сессии Собора 28 ноября того же года. В частности, архиерей говорил о прерогативах «исторических и канонических прав» СПЦ в ЧСР, которые были заложены в австро-венгерский

период, подчеркивал на принципиальном согласии министра иностранных дел Эдварда Бенеша на деятельность сербской церкви, упоминал о перспективах соглашения с новым константинопольским патриархом (AMZV 2). Посол уверял МИД, что перед началом переговоров с греками, основные тезисы соглашения будут неофициально сообщены правительству ЧСР (AMZV 2).

6 декабря 1924 г. Собор СПЦ принял резолюцию, касающуюся православной церкви в Чехословакии. В нашем распоряжении есть копия этого документа, который был направлен в Синод, а оттуда епископу Досифею (Васичу). Копия письма архиерею каким-то образом оказалась в нотариальном управлении в Хусте и была переслана в канцелярию МШИНО. Собор принял к сведению отчеты епископа Досифея и согласился с мнением делегата о создании необходимых условий на Подкарпатской Руси для образования православной епархии и назначения постоянного архиерея. Синоду СПЦ поручалось сообщить Духовной консистории в Хусте о необходимости инициировать соответствующие шаги для избрания епископа и оформления епархии („Opredelenie...“ 1925, 15-16).

Также, Собор рекомендовал „представительству этого православного народа, найти подходящего человека, достойного епископского звания и получить согласие чешского правительства“ („Opredelenie...“ 1925, 15-16). Что касается переговоров со Вселенским патриархатом, Собор поручал сербскому патриарху и Синоду обратиться к нему с очередным письмом. В документе указывалось, что, если переписка окажется отрицательной, решение вопроса нужно отложить к очередному заседанию Собора. „В случае благоприятного исхода Священный Синод должен сообщить об этом епархиальным епископам и получить одобрение по этому вопросу“ (ASAS 6).

На постановления высшего церковного органа СПЦ оперативно отреагировала чехословацкая периодика. Например, „Národní listy“, информируя о том, что Собор „настаивает на своей предыдущей

точке зрения, согласно которой православная Подкарпатская Русь подпадает под церковную юрисдикцию Сербского патриархата», отметили, что якобы сербы „даже этот вопрос хотят решать по согласованию с Константинопольским патриархатом” (Srbský 2, 1). Привлекают внимание тезисы периодического издания о том, что Собор „решительно выступил против очередной акции епископа Досифея в Чехии и Моравии”, которая якобы „не только не дает результата, но и начинает новые споры о компетенции с Константинопольским патриархатом” (Srbský 2, 1). В очередной заметке от 7 января 1925 г. вышеупомянутая газета дополнила информацию. В статье говорилось о решении Собора СПЦ направить в Константинополь епископа-делегата с задачей „объяснить точное правовое положение Сербской православной церкви и ее претензии на церковную юрисдикцию в Чехословакии” („Srbský...” 1925, 3; „Vopros pravoslaviâ” 1925, 2; Srbský 1, 1-2; „Zadostiučinění” 1925, 7; „Z Podkarpatské Rusi...” 1925, 2-3).

Чехословацкое МШИНО, ставя под сомнение материалы газеты „Národní listy”, просило МИД подтвердить основные пункты процитированных выше сведений (AMZV 3). 26 января 1925 г. поверенный в делах чехословацкого посольства (chargé d'affaire) в Белграде Франтишек Черный прислал в Прагу подробный отчет о работе Собора. Он отмечал, что „сообщение «Národních Listů» от 24 декабря 1924 г. скорее соответствует действительности”, а высший церковный орган СПЦ не решил вопрос о юрисдикции на территории ЧСР, отложив его окончательное рассмотрение на свое очередное заседание в мае текущего года. По информации посольства, на заседании Собора, „большинство его членов выступили против епископа Досифея и его деятельности в Чехословакии”. По этой причине якобы „не был избран администратор Нишской епархии, который должен был замещать епископа Досифея во время его пребывания на Подкарпатской Руси” (AMZV 4). Ф. Черный доверительно обращал внимание МИДа на тот факт, что после

возвращения из ЧСР архиерей относился к посольству очень сдержанно, а „в кругу своих друзей он жаловался на притеснения чехословацкого правительства к нему” (AMZV 4).

Трудности у епископа Досифея на заседаниях Соборе действительно имели место, о чем он упоминает в письме патриарху Димитрию (Павловичу) от 31 декабря 1924 г. В частности, архиерей признавал, что его „положение в нашем Св. Архиерейском Соборе пошатнулось”, но считал статью в „Národních Listach” от 24 декабря 1924 г. необъективной (ASAS 3, 1-2). Позже, в начале января 1925 г. епископ обратился с жалобой в чехословацкое посольство в Белграде, в которой сетовал на ложные и предвзятые статьи в чехословацкой прессе по вопросу юрисдикции СПЦ в ЧСР. Для подтверждения своих слов Досифей отправил послу копию письма Синода СПЦ от 3 января 1925 г., которая содержала выдержки соборных решений 6 декабря 1924 г. (NA Praha 12; AMZV 5).

Несмотря на определенные сдвиги в направлении институционального завершения формирования Карпаторусской православной церкви, в начале декабря 1924 г. ситуация на Подкарпатской Руси начала стремительно ухудшаться. Чешский исследователь Франтишек Цинек связывал эти процессы с активным противодействием сторонников архиепископа Савватия и деятельностью прот. Иоанна Чернавина. Этот священник, после визита в Прагу и отъезда епископа Досифея, развил антисербскую агитацию и провел достаточно успешные переговоры с ведущими деятелями сербской ориентации. о. И. Чернавин имел определенный успех, ведь он пытался устранить наибольшую преграду на пути к объединению. Он начал предлагать на должность епископа – главу Духовной консистории, архимандрита Алексия (Cinek 1926, 237). В день принятия резолюции Собором СПЦ Кабалюк написал письмо епископу Досифею, в котором просил архиерея немедленно прибыть на Подкарпатскую Русь. Обосновывая необходимость приезда в епархию, о. Алексей приводил достаточно веские причины.

„Чего мы боялись, это насъ вновь постигло. Новые смуты, новые раздоры, можетъ быть и хуже первыхъ” (ASAS 1, 1). Автор письма подчеркивал, что если сербский делегат не может приехать в ЧСР, то должен дать „благословеніе на скорый выборъ Карпаторусскаго Епископа, изъ среды же нашего духовенства” (ASAS 1, 1). Понятно, что архимандрит имел в виду свою кандидатуру, обладая почти безоговорочной поддержкой представителей обеих лагерей духовенства. В конце письма о. Алексій также сообщал, что в связи с „назревавшими событиями въ нашей церковной жизни” он созвал на 8 декабря 1924 г. экстренное заседание Духовной консистории, о результатах которого пообещал сообщить епископу телеграфом (ASAS 1, 1).

В очередном сообщении владыке Досифею от 16 декабря 1924 г. архимандрит вкратце охарактеризовал деятельность Духовной консистории и положение православной церкви на Подкарпатской Руси за два с половиной месяца:

Дух. консисторія, какъ Вы сами видѣли на 1-ом и 2-м засѣданіи, занялась энергично своей работой; притихли смуты и волненіи и казалось уже все идетъ къ лучшему. Темъ более, что мы надѣялись, Вами обещанное со стороны Министерства народного просвѣщенія, что въ наши дела никто не будетъ вмѣшиваться, исполнено. После Вашего отъезда до Праги, дух. конс. имѣла 3-е засѣданіе, а 4-е когда Вы уѣхали изъ Праги въ Югославію на Арх. Соборъ <...>. Арх. Савватій разослалъ циркуляры всему своему духовенству (своимъ ставленникамъ) со угрозой кан. наказанія, непременно появится на общее собраніе духовенства въ с. Буштино 12 декабря <...>, чтобы избрать кандидатовъ въ епископы и учредить епископскій совѣтъ. Узнавъ объ возникшей новой смутѣ, я созвалъ экстренное засѣданіе дух. консисторіи, где было рѣшено намъ не принимать участія на этомъ свящ. собраніи <...> (ASAS 1, 2).

Таким образом, по словам архимандрита Алексія, сторонники сербской юрисдикции фактически устранились от запланированного собрания в с. Буштино.

Однако, на самом деле, ситуация выглядела совсем по-другому. По сообщению вице-губернатора, на собрании в с. Буштино 12 декабря 1924 г. приняло участие большинство карпаторусского духовенства обеих юрисдикций (NA Praha 7). Кабалюк в письме епископу Досифею упоминал, что несмотря на запрет Духовной консистории на съезд поехал иеромонах Боголеп (Церковник), которого даже избрали членом Епархиального Совета (NA Praha 18). В отчете А. Розсыпала от 24 марта 1925 г. указывалось, что на собрание не были приглашены православные священники из сел Заднее, Керецки, Липча, Великие Лучки, Горонда, Ужгород (о. М. Мейгеш), Хуст (о. Алексей (Кабалюк), Салдобош (о. Г. Опаленик), Угля (И. Сидор) и братия Изьянского Свято-Николаевского монастыря. Кроме того, по словам о. Димитрия Владыкова, отдельные священники не получили приглашение на собрание из-за ошибок в работе архиепископской канцелярии в Праге (NA Praha 7). К сожалению, мы не имеем возможности с точностью выяснить общее количество участников собрания в с. Буштино. Архимандрит Алексей упоминал в письме 55 человек (49 священников и 4 диакона) (ASAS 1, 2), эти же сведения подает и чешский историк П. Марек, ссылаясь на материалы периодики (Marek 2020, 263). В отчетах вице-губернатора фигурируют различные цифры: 49 чел. (NA Praha 8), 66-69 чел. (NA Praha 18), 76 чел. (NA Praha 7). Газета „Русская земля” писала, что на собрание приехало 66 священников („Neurádica...” 1924, 1).

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на результатах собрания для константинопольской юрисдикции, только отметим несколько моментов, касающихся Духовной консистории и сторонников епископа Досифея. Участники съезда приняли следующие решения: 1) заявили о признании Пражской архиепископии; 2) объявили о ликвидации хустской консистории и создании Епархиального Совета; 3) выдвинули трех кандидатов на должность епископа и провели голосование. Среди претендентов

на епископскую хиротонию фигурировали: архимандрит Алексей (Кабалюк) (который не прибыл на собрание), игумен Иов (Войтишин) и иеромонах Боголеп (Церковник) („Iz žizni...” 1924, 2). Подсчет голосов показал преимущество архимандрита Алексия. В отчете вице-губернатора наводятся цифры, которые якобы получили претенденты на епископство (27–25–24) (NA Praha 7). Однако, мы считаем, что приведены сведения не являются точными. Такие результаты можно принять за истину только в том случае, если бы присутствующие имели право отдавать свой голос за несколько кандидатов. Алексей Геровский, который на время проведения собрания находился в Праге, в телеграмме Синоду СПЦ протестовал против избрания кандидатов на епископа, отмечая, что на съезде не присутствовал ни один мирянин (ASAS 5).

Архимандрит Алексей в письме владыке Досифею следующим образом характеризовал ход собрания: „Въ программѣ на первомъ пунктѣ было поставлено избрать кандидатовъ во епископы (хор епископы), намѣчено было три: о. Архим. Алексій, о. Игум. Иовъ и о. Иером. Боголѣпъ, пошла тайная балатировка (голосованіи) и большинство голосовъ оказалось за Арх. Алексіемъ, меньше о. Иовъ и еще меньше о. Боголѣпъ” (ASAS 1, 2). Оценивая сложившуюся ситуацию, Кабалюк считал ее следствием отсутствия в Подкарпатской Руси постоянного епископа.

Духовная Консисторія не можетъ существовать безъ епископа, безъ котораго ее ни народъ, ни власти не признають (...). Оставшееся духовенство при Сербской юрисдикціи находить выходъ изъ положенія таковой, чтобы Сербская Церковь немедленно поставила Архіерея, замѣстителя Вашего Преосвященства на Кар. Руси, повліять на Ческ. сл. Правительство о признаніи сербской юрисдикціи и безотлагательно поставить шаги въ Царѣградѣ, чтобы Константинопольскій Патріархъ не хиротонисаль кандидатовъ въ епископы безъ согласія Сербской Церкви, которая давно работаетъ на Кар. Руси (ASAS 1, 4).

Архимандрит Алексий уверял епископа в своей верности СПЦ и патриарху Димитрию и выражал надежду, что „Сербская Церковь найдетъ самый лучший способъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ и выйдетъ на встрѣчу желаніямъ и требованіямъ духовенства и народа (...), и поставитъ намъ во главе руководителя духовного нашего же происхожденія” (ASAS 1, 4).

Ф. Цинек считал, что одной из причин привлечения большого числа духовенства сербской юрисдикции на свою сторону, о. И. Чернавин обязан обещаниям выделения миллионной поддержки со стороны правительства для архиепископа Савватия, в случае его признания на Подкарпатской Руси (Cinek 1926, 249). Газета трудовиков „Русская земля” критиковала результаты собрания в с. Буштино. По словам редакции, „реального успеха собраніе въ Буштинѣ иметь не будетъ, и мы оцѣниваемъ его не иначе какъ злобный маневръ кого-то, кому зависить на томъ, чтобы властвовать въ тѣмъ и сумятицѣ” („Neurâdica...” 1924, 1). На страницах указанного издания члены Духовной консистории прот. Лука Ольховой и о. Димитрий Беляков 9 января 1925 г. опубликовали воззвание, в котором отрицали аннулирование церковного органа. Они называли консисторию „единственной законной представительницей православнаго народа въ Карпатской Руси” (Ol’hovuj, Beljakov 1925, 2). Таким образом, несмотря на решения, которые были приняты в с. Буштино, Духовная консистория продолжала функционировать.

Анализ официальной переписки краевых органов власти с Прагой свидетельствует о том, что чиновники не могли до конца понять поведение духовенства и роль архимандрита Алексия (Кабалюка) в этих процессах. Во внутренней документации МШИНО от 20 января 1925 г. В. Мюллер отмечал:

В Хусте провозгласило себя духовенство за епископа Досифея, соответственно за сербскую церковную юрисдикцию, тогда как

в Буштино, опять за юрисдикцию Константинополя, соответственно за архиепископа Савватия. Причем интересно, что эти священники, в основном или в большинстве, одни и те же, например Кабалюк был на собрании в Хусте избран председателем там созданной консистории, в то же время, здесь он снова выступает в качестве кандидата на епископство группы Савватия (NA Praha 9).

В конце декабря 1924 г. архимандрит Алексей (Кабалюк) уехал из Подкарпатской Руси в Прагу, а затем в КСХС (GAZO 3, 115). В столице ЧСР, согласно с отчетами тячевского окружного начальника, он встретился с архиепископом Савватием, перед которым якобы подписал документ о признании его юрисдикции (GAZO 4, 152). Вице-губернатор, анализируя деятельность архимандрита Алексея после возвращения в Хуст, подвергал сомнению информацию жандармских и окружных начальников. По его словам, „Кабалюк не признал юрисдикции Савватия, или отозвал свое обещание и присоединился снова к Досифею. Таким образом, он стал лидером оппозиции, в которой его поддерживают члены хустской духовной консистории” (NA Praha 13).

О пребывании архимандрита Алексея в КСХС и об отношении епископа Досифея к событиям в с. Буштино можно узнать из его письма на имя патриарха Димитрия от 31 декабря 1924 г. Для сербского делегата было очевидно, что архиепископ Савватий и его сторонники хотят привлечь на свою сторону архимандрита Алексея. „Архимандрит Алексей возле себя не имеет документа, которым можно подтвердить намерения т. называемой пражской архиепископии, но из его устных заявлений следует, что А. Е. Савватий хочет поскорее посвятить Алексея – конечно по благословению Царьграда” (ASAS 3, 3). По словам Досифея, из разговора с архимандритом он видел, что монах не хотел бы „ничего (...) делать без ведома и благословения нашей церкви” (ASAS 3, 3). Вместе с тем владыка убеждал патриарха, что отсрочивать дальше решение вопроса есть чрезвычайно рискованно, потому что

архиепископ Савватий может выдвинуть другую кандидатуру и инициировать ее хиротонию. В письме высказывалась рекомендация выдать архимандриту Алексию выписку из решений последнего Собора СПЦ, касающихся Карпаторусской православной церкви, чтобы он мог ее зачитать верующими на Подкарпатской Руси. „Было бы также очень хорошо, – писал Досифей, – если бы Ваше Святейшество написало несколько слов карпатороссам, поздравив их с праздниками и намекнув, что Вы вынесете их дело на рассмотрение Священного Синода, как только он снова соберется после праздников” (ASAS 4-5). Епископ считал целесообразным также пригласить в патриархию посла ЧСР Я. Шебу и указать ему на незаконные действия со стороны канцлера Пражской архиепископии – Милоша Червинки на Подкарпатской Руси. „Правительство Чехословацкой республики может, только если захочет, положить конец этой аванюре. Оно дало обещание – обещание следует исполнить” (ASAS 3, 5). Подытоживая письмо, владыка подчеркивал: „надо дать карпатороссам епископа, и как можно быстрее, это без всякого сомнения. Вопросы нужно решать, как наилучше – как желает народ и духовенство” (ASAS 3, 6). Таким образом, текст анализированного письма свидетельствует о значительной трансформации в отношении епископа Досифея к кандидатуре архимандрита Алексия.

Алексий (Кабалюк) старался заручиться поддержкой Я. Шебы. В отчете в МИД от 9 февраля 1925 г. посол информировал о визите архимандрита к патриарху Димитрию и о его посещении посольства в Белграде. По словам чехословацкого посланника, архимандрит просил дипломатов обратиться с официальным заявлением к патриарху, что „против его кандидатуры чехословацкая власть не имеет возражений” (NA Praha 12). Так как посольство не имело согласованной позиции по этому вопросу, Кабалюк ушел ни с чем, „как кажется – недоволен” (NA Praha 12). На Я. Шебу архимандрит произвел не слишком положительное впечатление.

Он характеризовал о. Алексия как человека недостаточно интеллигентного, который плохо разбирается в вопросах церковной юрисдикции (Marek 2020, 268).

Неоднозначные оценки по кандидатуре архимандрита Алексия высказывали местные чиновники. Например, руководитель нотарского управления в Хусте сообщал, что Кабалюк заявил в Сербии, что „власть епископа примет и созовет в ближайшее время духовенство православной церкви на собрание, где этот вопрос будет решен” (GAZO 6, 2). По словам нотариа, архимандрит высказывал мнение, что православная церковь имеет желание обрести полную автономию для Подкарпатской Руси и автокефалию для Чехословацкой республики, которую удастся получить только в том случае, когда состоится хиротония местного епископа. После этого, „все архиереи в республике попросят об отпуске из состава сербской церкви и выберут себе архиепископа” (GAZO 6, 2). Таким образом, согласно с процитированным документом, архимандрит Алексей поддерживал планы чехословацкого правительства по созданию независимой православной церкви в республике. Однако, провозглашение автокефалии должно было происходить исключительно с благословения СПЦ. В отчете в МШИНО от 24 марта 1925 г. А. Розсыпал утверждал, что после возвращения из КСХС Кабалюк созвал заседание Духовной консистории⁵, на котором „объяснил мнение сербского патриарха в отношении религиозных отношений на Подкарпатской Руси” (GAZO 6, 2). Вице-губернатор утверждал, что якобы архимандрит сообщил присутствующим о потере интереса сербского патриарха к развитию православия в Подкарпатской Руси и отказе от выделения материальных субвенций (NA Praha 17). По нашему

⁵ А. Розсыпал пишет, что Кабалюк пригласил на собрание о. Л. Ольхового, игумена Иова (Войтишина), иеромонаха Бориса (Мыдьяка) и прот. И. Чернавина, который не был членом консистории.

мнению, последний тезис в отчете А. Розсыпала был ошибочным и таким, что не соответствовал действительности.

В следующем донесении, адресованному уже Президиуму МВД, вице-губернатор сообщал об оппозиции, возглавляемую членами консистории и архимандритом Алексием, которые планировали созвать новый съезд в Хусте для формулирования позиции против Буштинского собрания. В документе в очередной раз поднимался вопрос о необходимости скорейшего упорядочения положения православной церкви на Подкарпатской Руси путем утверждения уставов. По мнению автора отчета, этот шаг послужил бы „прочной основой для дальнейшего мирного развития этого движения, да и к правовой организации отдельных религиозных общин” (Archiv KPR 2). Реагируя на высказанные в отчете предложения по завершению юридического оформления положения православной церкви, Президиум МВД согласилось с тем, что дальнейшая задержка в организации православной церкви на Подкарпатской Руси и в Восточной Словакии усугубляет ситуацию. В связи с этим, министр обратился в МШиНО с запросом о необходимости ускорения реализации проекта, согласованного с вице-губернатором (NA Praha 11).

Конкретные шаги образовательного министерства можно наблюдать уже весной 1925 г., когда в парламенте началось обсуждение законов, касающихся религиозного вопроса. Чтобы принять пакет новых законодательных норм, был достигнут компромисс клерикальных и социалистических депутатов (А 1925, 1). 2 апреля 1925 г. закон о взаимоотношениях различных вероисповеданий был внесен в парламент, а 23 апреля он был проголосован. Газета „Русская земля” сообщала, что этим законом облегчается переход из одного вероисповедания в другое, регулируется ответственность выступающих за различные материальные обстоятельства по отношению к церковной организации оставленного вероисповедания и вводится

совместное использование кладбищ. Редакция периодического издания оценивала принятие закона как огромный шаг вперед в деле приведения в порядок церковных вопросов на территории всей республики (К 1925, 1). Текст закона был опубликован 9 мая 1925 г. и включен в сборник законов и распоряжений (*Sbirka zákonů...* 1925, 497–500). В сентябре его напечатал „Правительственный вестник” Школьного отдела Гражданского управления Подкарпатской Руси („Zakon...” 1925, 149–155). Статьи законодательного акта обеспечивали возможность всем гражданам, достигшим возраста 16 лет, свободно изменять свою религиозную принадлежность. Для реализации данного желания, лицо должно было обратиться к „окружному политическому (окр. управлению, городскому, нотарскому) управлению” по месту жительства с заявлением. Соответствующие прошения граждане должны были подавать единолично, исключения допускались только в том случае, если целая семья принимала решение выступить одновременно. За несовершеннолетних (до 16 лет) заявления подписывали их родители или опекуны. Новорожденные дети, по закону, автоматически наследовали религиозную принадлежность родителей. Лицу, которое покидало религиозную организацию, было не нужно сообщать о своем выходе священнику той церкви. Кроме того, последний терял все материальные претензии к бывшим верующим. Второй важной составляющей данного закона, были статьи об использовании кладбищ. Запрещалось отказывать в захоронении усопших, если в населенном пункте не было других кладбищ („Zakon...” 1925, 152–153).

Пресса развернула активную разъяснительную работу среди населения, чтобы донести основные пункты закона и его применения („Novyj cerkovnyj...” 1925, 2). Председатель Духовной консистории архимандрит Алексей (Кабалюк) опубликовал воззвание к верующим, в котором призвал всех православных „безотлагательно подавать заявления о выступлении” (Aleksij

1925, 1). Руководителей православных комитетов обязывали повторно подать заявления по новому закону, подчеркивая, что „политическіе уряды считали и считаютъ прежнія заявленія о переходѣ въ православіе неформальными и неважными” („Vnimaníu... 1925, 1). Бесспорно, что принятие нового закона и его временное распространение на территории Подкарпатской Руси, имело важное значение. Однако, следует признать, что этот шаг чехословацкой власти был достаточно запоздалым.

Православные и греко-католики отреагировали на новое законодательство критически (Stojka 1925, 274–280). Одно из церковных периодических изданий отмечало, что несмотря на значительное облегчение процесса перехода в православие, „сей новый закон не имѣть силы для Карпатской Руси, ибо такой законъ могло бы установить только Карпаторусское Народное Собрание. А потому все, что будетъ совершено по сему закону, не будетъ имѣть силы” („Nový zakon...” 1925, 36–37). Необходимо осторожно относиться к таким оценкам официальной православной прессы, которая после хиротонии архиепископа Савватия достаточно подозрительно воспринимала все инициативы власти. В случае с анализированным законом, правительство распространяло его действие на Подкарпатскую Русь только временно, до начала работы автономного парламента.

Реализация закона и применение его положений на практике также вызывали немало замечаний. Уже в начале 1926 г. в периодике стали появляться публикации, в которых описывались случаи с выборочным использованием положений законодательного акта, или же его игнорирования отдельными чиновниками. Приведем одну из выдержек из статьи в газете „Русская Земля”, которая обобщала претензии к местной власти по данному вопросу.

Въ прошломъ году началъ у насъ обязывать новый законъ ч. 96/25 облегчающій переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, но на практикѣ сей законъ не находитъ примѣненія по отношенію

къ православнымъ, ибо нашимъ урядамъ онъ не по вкусу. Несмотря на то, что въ законѣ выразительно говорится о томъ, что заявленіе о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, подписанное собственноручно, долженъ политическій урядъ принять къ свѣдѣнію и уладить до 1 мѣсяца отъ дня внесенія, наши уряды держатъ эти заявленія по 3 и 4 месяца и перехода принять къ свѣдѣнію не хотятъ. Въ законѣ постановлено, что при собственноручной подписи не надо свидетелей ни легализаціи. Наши уряды требуютъ подписи, заявляющаго свой переходъ, при двухъ свидѣтеляхъ или даже предписываютъ заверить подпись у нотарей или въ другихъ урядахъ. Законъ предписываетъ, что всѣ эти заявленія должны улаживаться даромъ, уряды-же требуютъ отъ сторонъ разныхъ расходовъ въ томъ или другомъ видѣ. Слѣдовательно наши уряды толкуютъ себе относительный законъ каждый по своему усмотрѣнію, но стараются тѣмъ или другимъ способомъ обойти его. Они считаются призванными толковать законъ по своему усмотрѣнію, не признавая даже категорическихъ предписаній. Такъ дѣйствуютъ напримѣръ у насъ въ этомъ вопросѣ почти всѣ Окружныя Начальства, въ частности въ Иршавѣ, Воловомъ и Раговѣ (Рахове – автор) („Заѣм...” 1926, 1-2).

Отдельно в статьѣ говорилось о злоупотребленіяхъ окружныхъ начальниковъ в Восточной Словакии, въ частности в селахъ Бехеров, Стакчин и т.д.

17 февраля 1926 г. депутат от Подкарпатской Руси в Народном Собраніи ЧСР Андрей Гагатко посетил канцелярію МВД и подал запрос министру о злоупотребленіяхъ окружныхъ начальниковъ в Воловом, Иршаве и Рахове (NA Praha 1). 25 февраля того же года на засѣданіи парламента он озвучил официальное обращеніе к главе правительства по поводу саботажа закона №96/1925 на Подкарпатской Руси и Восточной Словакии (Gagatko 1926, 1). Документ в общихъ чертахъ повторял основные положенія, которые были изложены в статьѣ в газетѣ „Русская Земля” от 21 января 1926 г., а также указывал на конкретные случаи в отдельныхъ населенныхъ пунктахъ (GAZO 8, 5-6; Gagatko 1926, 1; AUEROBE 7, 1-5).

Учитывая важность данного документа и ответную реакцию на него местной и центральной власти, проанализируем его ниже, акцентируя внимание на отдельных моментах. Итак, А. Гагатко обвинял: 1) Окружных начальников в Иршаве, Рахове, Воловом и Снине, в том, что они „требовали и требуют отъ заинтересованных легализации ихъ подписей окружными нотарскими или-же главнотружновскими урядами и не хотять принимать къ свѣденію совмѣстныхъ заявленій членовъ семьи”. 2) Чиновников в указанных округах, а также в других округах Восточной Словакии, уличали в затягивании процесса регистрации переходов или отказе в такой по надуманным причинам. В подтверждение своих слов депутат приводил пример 850 семей из Восточной Словакии, которые подали в ноябре 1925 г. свои заявления о переходе с греко-католической в православную церковь в канцелярию Снинского окружного управления. 22 декабря 1925 г. каждый из жителей получил отказ, который содержал следующие объяснения:

а) заявитель не был свободным и независимым, о чем я узнал конфиденциально; б) управление не уверено, что подписи поставлены единолично и являются оригинальными; в) наконец, окружное управление обязано учесть также будущее, и это обязательно – несмотря на то, что закон этого не требует – принять во внимание имеют ли выступающие лица или будут иметь храм, фару и смогут ли построить храм, фару, дома и т. д., и смогут ли содержать православного священника.

Таким образом, требования окружного начальника не имели законных прав, но воспринимались как основание в отказе крестьянам отдельных населенных пунктов.

3) Во всѣхъ округахъ Подкарпатской Руси, специально же въ округахъ Волево, Иршава а Рахово, требуютъ уряды отъ заинтересованныхъ сторонъ метрическихъ выписей или же платы по 5 коронъ съ души и выше за провѣрку датъ рожденія, поданныхъ сторонами въ своихъ заявленіяхъ о переходѣ въ православіе. 4) Несмотря на то, что выше названный законъ обязываетъ впредь до его отмѣненія законодательнымъ порядкомъ, населеніе Подкарпатской Руси было извѣщено посредствомъ

нотарскихъ урядовъ, что заявленія о переходе изъ грек.-кат. вѣры въ православіе будутъ приниматься только до конца января 1926 года („Zapros...” 1926, 1).

В конце запроса А. Гагатко ставил перед главой правительства следующие вопросы: „известно ли правительству о том, что администрация на Подкарпатской Руси и в русской части Словакии саботирует закон №96/1925; соглашается ли правительство: а) начать следствие по делу по вышеприведенных злоупотреблениях; б) прекратить самовольную интерпретацию упомянутого закона; с) наказать показательно провинившихся” („Zapros...” 1926, 1).

После получения запроса МВД инициировало проверку, задействовав при этом МШиНО, политические органы Словакии и Подкарпатской Руси. Фактически расследование продолжалось до августа 1926 г., когда было получено итоговый отчет из Братиславы по ситуации в Снинском округе (GAZO 8, 1; NA Praha 20). Большинство обвинений, которые затронул в своем запросе А. Гагатко, нашли подтверждение, однако окружные начальники, жупаны, вице-губернатор и в конце концов и чиновники МШиНО объясняли объективными причинами и несовершенством закона. Например, закон не запрещал заполнять бланки об изменении религии другим лицам, если один из крестьян не умел писать. В таких случаях, нотари или главнотружнне требовали от заявителей лично явиться в управление и засвидетельствовать свое желание. Эти действия местных чиновников трактовались как незаконные и были прекращены после вмешательства жупанатов. По сбору средств за оформление документации, большинство окружных начальников отвергали эти обвинения, перелагая вину на греко-католических священников и отдельных нотарей. Окружным управлением в Рахове было подтверждено, что сельский нотар требовал от православных оплатить определенные средства за проверку указанных в заявлениях дат рождения (GAZO 8, 2). Аналогичные нарушения были обнаружены также в с. Кушница (NA

Praha 2). Окружной начальник в Воловом требовал от заявителей добавлять к документам копии выписок из метрических книг, что требовало дополнительных финансовых и временных затрат (NA Praha 3). Почти во всех отчетах был подтвержден факт нарушения статей закона о сроках обработки заявлений. Чиновники жаловались на огромный наплыв ходатайств от крестьян, которые работники канцелярий якобы физически не имели возможности обработать.

В январе 1925 г. Синод СПЦ продолжил рассмотрение соборных постановлений, касающихся Карпаторусской православной церкви. В частности, 21 января сербские архиереи приняли решение сообщить Духовной консистории в Хусте о необходимости избрания „достойного кандидата на епископа” (ASAS 7). В течение зимних месяцев 1925 г. подкарпатское духовенство часто обсуждало вопрос о грядущих выборах архиерея. 26 января 1925 г. на заседании Духовной консистории в с. Горонда Мукачевского округа было принято решение о создании нового периодического издания – газеты „Церковная правда” („Fundatory...” 1926, 83-85), которая сыграла важную роль в организационном становлении православной церкви на Подкарпатской Руси (Danylec' 2016, 25-37).

5 февраля 1925 г. состоялось собрание братии Свято-Николаевского монастыря в с. Иза, где среди всего прочего архимандрит Алексей докладывал о необходимости созыва общего собрания духовенства и мирян. После ознакомления с решениями Синода СПЦ, монашество единогласно согласилось с предложениями главы Духовной консистории, оставив определение даты съезда на рассмотрение ее членов (ASNМ, 1-2). В письме архимандрита Алексея епископу Горазду от 16 февраля 1925 г. шла речь о переносе дела „о выборѣ Карп. русскаго епископа (...) къ наступающей веснѣ, къ теплomu времени” (AUEROBE 3).

Неопределенностью в данной ситуации воспользовалась пресса, которая начала публиковать различные догадки о возможных кандидатах в епископы Карпаторусской православной церкви. Например, „Lidové noviny” 10 февраля 1925 г. разместили небольшое сообщение под названием „Před volbou pravoslavného biskupa na Podkarpatsku”, в котором среди фаворитов на епископское кресло называли кроме архимандрита Алексия (Кабалюка) еще и о. М. Мейгеша („Před volbou...” 1925, 2-3). Редакция считала бывшего греко-католического священника наиболее подходящим на должность архиерея, ссылаясь на его опыт и общеобразовательный уровень.

Члены Духовной консистории в феврале 1925 г. начали планировать очередную поездку в Прагу, в целях упорядочения дел православной церкви на Подкарпатской Руси. Анализ переписки епископа Горазда с членами консистории прот. И. Илечко и о. Д. Беляковым дает основания утверждать, что именно чешский архиерей взялся организовать приезд, и, по-видимому, необходимые встречи с членами правительства. Владыка Горазд рекомендовал прибыть в столицу ЧСР четверем деятелям подкарпатского православия, в частности: архимандриту Алексию (Кабалюку), о. Д. Белякову, о. Л. Ольховому и о. М. Мейгешу (AUEROBE 2). Священник Д. Беляков, одобряя состав делегации, писал о материальных препятствиях поездки. „Такою делегацию мы не въ состояніи послать из-за матеріальныхъ недостатковъ, а то потому, что у нашей Консистоіальной кассѣ пусто – нѣтъ ничего” (AUEROBE 4). Выходом из ситуации о. Д. Беляков и прот. И. Илечко, видели в делегировании в Прагу архимандрита Алексия и еще одного члена консистории (AUEROBE 2; 4). Однако, поездка все откладывалась.

В марте 1925 г. была предпринята еще одна попытка объединить духовенство двух юрисдикций. На этот раз инициатором выступил священник из села Салдобош (ныне Стебливка) Георгий Опаленик.

16 марта того же года он обратился в окружное управление в Хусте за разрешением на созыв собрания православного духовенства на 27 марта 1925 г. (GAZO 5, 1). Было разослано приглашения всем священникам, за исключением монахов и выходцев из-за пределов края. В письме-приглашении о. Г. Опаленик и о. П. Сидор выступали от имени „Дочасного организационного совета для Карп. русс. мирского священства” (GAZO 7). Духовенство отреагировало на новые попытки консолидации апатично. В с. Салдобош 27 марта 1925 г. прибыло всего 12 священников. Несмотря на такое количество участников, собрание привлекло внимание властей, о чем свидетельствуют обнаруженные нами протоколы заседания в трех разных архивах (GAZO 5, 6-7; Archiv KPR 3; NA Praha 16-17; 21).

По сообщению Хустского окружного начальника М. Гармана, соотношение среди присутствующих сторонников СПЦ и архиепископа Савватия составляло 9:3. Во вступительном слове о. Г. Опаленик говорил о сложном материальном положении приходского (белого) духовенства, о разделении священнослужителей на две фракции, о необходимости убедить правительство в своей лояльности и добиться государственной поддержки. Преодоление всех препятствий докладчик видел в создании аполитичной организации местного белого духовенства. Достаточно резко священник выступил против „украинских и великорусских братьев”, называя представителей эмигрантского православного духовенства „волками в овечьей шкуре”. о. Г. Опаленик обвинял приезжих в разделении священников „на два лагеря, преследовании только материальной выгоды и возбуждении ненависти и распрей среди людей” (Archiv KPR 3). „Пускай эти чужаки оставят нас в покое с юрисдикцией разных патриархов, мы хотим служить Подк. русскому народу и на благо нашей дорогой Чехословацкой республики” (Archiv KPR 3).

На собрании присутствовал архимандрит Алексей (Кабалюк), который заявил, что Духовная консистория в Хусте „приветствует и поддерживает идею создания организации, и выражает надежду, что новая организация мирских священников вскоре сольется с организацией монахов и появится новая сильная организация православного духовенства, которая сейчас очень нужна” (Archiv KPR 3). По предложению о. Г. Опаленика присутствующие единогласно поддержали создание организации, но из-за небольшого количества духовенства отложили окончательное ее утверждение до 13 апреля 1925 г. После короткой дискуссии, в которой приняли участие пять священников, был создан подготовительный комитет для разработки устава организации. В его состав вошли: о. Г. Опаленик, о. А. Рацин и о. Е. Якуб. Кроме того, под конец работы съезда, по предложению о. В. Краило из с. Чумалево, подготовительному комитету было поручено написать запросы архиепископу Савватию и епископу Досифею, в которых просить разрешение для духовенства на участие в апрельском заседании (Archiv KPR 3).

Предполагаем, что результаты собрания в с. Салдобош обсуждались на заседании Духовной консистории в Хусте 31 марта 1925 г. Очевидно, участие архимандрита Алексея и попытка создать новую организацию, в которой запрещалось принимать эмигрантов, вызвала дискуссию и критику присутствующих. Священник Д. Беляков в письме епископу Горазду от 1 апреля 1925 г. писал: „31 марта было засѣданіе Д. Консисторіи въ Хустѣ. Мы побѣждаемъ. О. Архим. намъ много портитъ, онъ работаетъ Богу и мамонѣ – намъ и Савватию. Но дѣло неправится скоро” (AUEROBE 5). В связи с тем, что нами так и не обнаружено документы о благословлении со стороны архиереев на проведение собрания духовенства и создание организации, можем предположить, что запросы так и не были направлены в Прагу и Ниш. На очередном собрании в с. Салдобош, которое состоялось

23 апреля 1925 г., о. Георгий Кениз протестовал против создания каких-либо организаций без ведома и благословения правящих архиереев. Духовенство сербской юрисдикции не соглашалось с ним, подчеркивая, что для создания подобных организаций и обществ разрешения епископов не обязательны. В работе нового собрания приняли участие 23 священники, которые представляли оба направления (15 – СПЦ, 7 – Пражскую архиепископию), однако, даже это количество не представляло большинство духовенства Подкарпатской Руси⁶. В результате обсуждения был принят и утвержден устав новой организации, название которой совсем отличалась от предложенной на собрании в марте месяце. Делегаты основали „Пенсионный фонд православного духовенства на Подкарпатской Руси”, а его председателем избрали о. Г. Опаленика. По словам хустского окружного начальника, деструктивная деятельность сторонников архиепископа Савватия привела к закрытию заседания (GAZO 5, 14).

Как уже отмечалось выше, руководство Духовной консистории зимой-весной 1925 г. начало готовить очередную делегацию в Прагу, которая должна была донести до членов правительства насущные проблемы подкарпатского православия. 19 марта 1925 г. хустский окружной начальник сообщил жупанатскому управлению в Севлюше, что в местной типографии Игнаца Аусландера был напечатан очередной меморандум на адрес чехословацкого правительства. Тайное расследование показало, что обращение подготовил и заказал секретарь жупанатского отдела аграрной партии (Republikánská strana zemědělského a maloroľníckého ľidu) в Хусте Иван Мондич (GAZO 2, 3). Полицейский комиссариат немедленно возбудил против владельца типографии уголовное производство и начал расследовать дело. Следователям

⁶ Ужгородская газета „Podkarpatské hlasy” 25 апреля 1925 г. сообщала об участии в собрании 35 священников. Назывались имена отдельных духовников: Ю. Кениз, И. Гангур, Д. Беяков, Е. Якуб, А. Рацин, М. Когут. („Sjezd...” 1925, 4).

удалось выяснить, что тираж меморандума составлял 400 экземпляров, которые были разосланы православным комитетам соответствующих сел для подписания. Текст обращения содержал в основном критику местной администрации, которую обвиняли в деятельности в пользу греко-католической церкви и преследованию православных. Авторы меморандума настаивали на том, что именно православная церковь имеет исторические права на все церковное имущество и храмы, а также выступали против „окончательной передачи правосл. церковного имущества въ пользование греко-кат. церкви” (GAZO 4-5). Отдельно в документе содержится утверждение о безосновательности ангажирования коммунизма на Подкарпатской Руси с православным движением.

А. Розсыпал, получив несколько экземпляров меморандума, сообщил о его содержании в Прагу. В письме на адрес МШиНО вице-губернатор отмечал, что И. Мондич вместе с другими членами делегации планирует подать подписанный текст документа на рассмотрение правительства. Чиновник отмечал, что во время личной встречи с представителями православных общин он попытается убедить их в невозможности выполнения требований меморандума (NA Praha 15). Несмотря на вмешательство властей, И. Мондич организовал кампанию по сбору подписей под обращением. Несомненно, она проходила с ведома и поддержки Духовной консистории в Хусте и ее председателя. В ГАЗО хранится отдельное дело с отчетами окружных начальников о сборе подписей в отдельных населенных пунктах. В частности, окружной начальник в Тячеве сообщал в жупанат, что „церковные кураторы из Буштина получили меморандум от «епископа» Алексия из Изы или Хуста” при посредничестве одного из местных жителей (GAZO 2, 15). В с. Ясиня Раховского округа И. Мондич прибыл лично, предоставив для подписи 3 экземпляра меморандума. Раховский окружной начальник отмечал, что документы были адресованы Президенту Республики, МВД и МШиНО (GAZO 2, 9).

Немало вопросов вызывает состав делегации, которая выехала в Прагу в начале апреля 1925 г. Хустский окружной начальник информировал о 8 депутатах: „секретарь аграрной партии Мондич, архимандрит Кабалюк, дальше один неизвестный священник и 5 русинов” (GAZO 5, 16). Если в цитированном документе главой делегации указан И. Мондич, то в заметке оломоуцкой газеты „Za pravdou” на этой должности фигурирует архимандрит Алексей. Редакция приводит сведения и о других подкарпатцах: Д. Симулик из с. Иза, К. Прокоп из с. Крива, В. Андрашко из с. Билки, М. Рещук из с. Ясиня и Л. Конарчук из с. Рахов („Ruská...” 1925, 71). Перечень имен говорит нам о том, что это не была единоличная акция И. Мондича, который представлял проправительственную аграрную партию, а коллективная инициатива, к которой присоединилась православная церковь и трудовики. Первые три деятеля из приведенного выше перечня, принадлежали к Исполнительному комитету Карпаторусской трудовой партии и ехали в столицу ЧСР с согласия своей политической силы.

Во время встречи с министром внутренних дел Яном Малипетром делегация ходатайствовала „чтобы вопрос храмов, занятых православными, был отложен до того времени, пока дело не будет решено законом или до тех пор, пока не будут построены новые православные храмы” („Ruská...” 1925, 71). В МШИНО „депутация требовала окончательно утвердить устав православной церкви” („Ruská...” 1925, 71). По информации журналистов, состоялась также встреча с депутатом от Национал-демократической партии Чехословакии (Československá národní demokracie) Антонином Гайном, который в парламенте периодически поднимал вопрос отношений на Подкарпатской Руси (Dr. A. Hajn. O stát. rozpočtu pro r. 1924, „Poslanec...” 1925, 80; Hajn, *I B. Voleb Kraj*; „Ruská...” 1925, 71). Позже депутат изложил свое видение преодоления религиозного кризиса в Карпатах в отдельной статье (Hajn 1925, 98-100).

Выбор времени приезда делегации совпал с внесением в парламент „Закона о взаимоотношениях различных вероисповеданий”, о котором упоминалось выше. Можно предположить, что это произошло не случайно и было вызвано попыткой привлечь внимание чиновников и депутатов к важности религиозных законов для Подкарпатской Руси. Кроме того, депутат от Карпаторусской трудовой партии А. Гагатко в своих выступлениях в законодательном органе ЧСР произносил речи, которые переплетаются с содержанием меморандума. Например, во время рассмотрения закона на заседании законодательно-юридической комиссии, в котором принимал участие министр школьного Иван Маркович, депутат от Подкарпатской Руси требовал: 1) как можно быстрее внести на рассмотрение парламента и справедливо решить вопрос совместного использования храмов и церковного имущества; 2) приостановить до тех пор все экзекуции по церковным делам против православных жителей Подкарпатья; 3) записывать православных детей в метрики по требованию родителей; 4) отказаться от материальной поддержки «пражской православной консистории» во главе с М. Червинкой; 5) утвердить уставы православной церкви („Intervence posl...” 1925, 80; „Intervencii deputata...” 1925, 1). Таким образом, деятельность А. Гагатко и его соратников в составе делегации можно оценивать двояко. Во-первых, они пытались добиться улучшения ситуации и решения отдельных вопросов православной церкви. Во-вторых, они позиционировались как защитники интересов православного населения накануне очередных выборов в парламент. В-третьих, радикализация выступлений против Праги на фоне противостояния с епископом Досифеем ухудшала и до того не устойчивую позицию СПЦ в Чехословакии.

Наши предположения относительно политизации в решении отдельных требований православных верующих можно подтвердить на основании публикаций в официальном органе Карпаторусской

православной церкви – газете „Церковная правда”. В майском номере за 1925 г. архимандрит Алексей обнародовал воззвание, в котором отмежевался от делегации и заявил, что он ездил в то время в Прагу по делам построения храма в Хусте и деятельности интерната для православных учеников гимназии. Кабальюк сообщал читателям, что делегаты вели переговоры с аграрной партией, заключили с ней союз, но потом отказались от сделки. „Поступокъ сихъ людей вызвалъ удивленіе въ Праге, а теперь уже показались и неприятніе послѣдствія для православной Церкви въ Карпатской Руси” – писал о. Алексей („От еparhial’nogo...” 1925, 48). Еще большее удивление вызывает критика меморандума и его подготовки. По словам главы консистории, он был составлен и подписан якобы без ведома Епархиального управления, которое лично планировало написать обращение к правительству от имени Карпаторусской православной церкви. Отдельно архимандрит говорил о политической деятельности делегатов, подчеркивая, что „православная Церковь никого не уполномочивала на веденіе политическихъ переговоровъ” („От еparhial’nogo...” 1925, 48). и не может брать на себя ответственность за вышеуказанных лиц. В конце статьи размещалось предостережение к православным верующим и приходам – „чтобы никому не давали подписей и церковныхъ печатей безъ распоряженія епархіального управленія, чтобы не были употреблены во зло православной церкви” („От еparhial’nogo...” 1925, 48). Очевидно, публикация архимандрита Алексея была вынужденным шагом, который был осуществлен под давлением политических властей. Ведь очевидно, что он знал о подготовке меморандума и участвовал в его распространении. В Национальном архиве в Праге хранится одна из копий меморандума, подписанного членами церковного комитета, где о. Алексей был настоятелем. На документе также содержится печать и собственноручная надпись рукой архимандрита: „г. Хуст, 30.03.1925. Церк. Правосл. Комитетъ” (NA Praha 6).

Если чехословацкий посол в Белграде категорически не воспринимал кандидатуру архимандрита Алексия (Кабалюка) на должность епископа, то местные чиновники оценивали его качества и недостатки более сдержанно. Вице-губернатор, анализируя юрисдикционную ситуацию на Подкарпатской Руси в конце апреля 1925 г., отмечал, что между обычными верующими не наблюдается никаких юрисдикционных споров, по крайней мере в том смысле, как это обсуждается в прессе. По его мнению, такой процесс происходил отчасти потому, что вышеуказанный вопрос имел чисто теоретический характер, который население не понимало. А. Розсыпал отстаивал мнение, что спор за юрисдикцию вели между собой только священники, без участия верующих, которые относились к этому вопросу абсолютно индифферентно. Приводя примеры кардинального изменения мнения духовенства по отношению к юрисдикционной принадлежности (Хуст – Буштино), глава гражданской администрации края объяснял такие шаги священников недостаточным образованием. „Этот вопрос слишком расплывчатый и для них, их дебаты относительно юрисдикции на самом деле не имеют никакого значения и ценности” – суммировал А. Розсыпал (NA Praha 19). Вместе с тем вице-губернатор был вынужден признать, что существует единственный вопрос юрисдикции среди местных православных, это общее желание избрать епископа-автохтона, который бы мог самостоятельно управлять епархией. В текст отчета в МШиНО А. Розсыпал включил также краткую биографическую справку на архимандрита Алексия (Кабалюка), подчеркивая, что „к этому времени не было выявлено недостатков в его общественной деятельности или нравственном поведении” (NA Praha 19).

Переписываясь с епископом Гораздом, архимандрит Алексей (Кабалюк) в начале мая 1925 г. указывал на необходимость возвращения на Подкарпатскую Русь сербского делегата. „Очень было бы хорошо, – писал глава Духовной консистории, – чтобы

теперь приѣхалъ сюда Пр. Владыка Досифей и окончательно заложилъ епархію” (AUEROBE 6). 9 мая 1925 г. архимандрит Алексій и помощник секретаря консистории иеродиакон Афанасій (Чопик) обратились с письмом непосредственно к епископу Досифею (Васичу) в Ниш. Монахи настаивали на немедленном приезде архиерея в епархию, акцентируя внимание на критичности ситуации.

Настоящимъ обращаемся, къ Вашему Преосвященству, Владыко святыи, съ усиленной просьбой чтобы Вы, по случившимся обстоятельствамъ въ настоящее время въ насъ, вообще, въ нашей церковной жизни, непримѣнно нашли возможность приѣхать къ намъ, для усовершенствованія нашихъ церковныхъ дѣлъ. Приѣзжайте, Владыко святыи, потому что спасти настоящее положеніе въ народѣ, духовенствѣ и отношеніи гражданской власти, въ связи съ нашей Карпаторусской православною Церковью, въ настоящее время, можетъ только Вашъ приѣздъ сюда къ намъ (ASAS 2).

В связи с тем, что корреспонденция явно не давала должных результатов, Духовная консистория отправила 13 мая 1925 г. в КСХС иеромонаха Матфея (Вакарова). Встретившись с епископом Досифеем, монах охарактеризовал сложную ситуацию, в которой оказалась православная церковь и просил архиерея в очередной раз приехать на Подкарпатскую Русь (Sergij C'oka ieromonah 2013, 224-225). В отчете Синоду СПЦ владыка упоминал о визите о. Матфея, который был возведен в сан игумена 17 мая того же года. Также он приводил несколько важных деталей относительно положения церкви. В первую очередь, епископ отмечал уменьшение давления со стороны архиепископии в Праге и выражал восхищение огромной настойчивостью местных верующих и духовенства. Во-вторых, он рекомендовал выслать на Подкарпатскую Русь епископа из Сербии, „поскольку все попытки найти подходящую личность для руководителя из рядов православных карпаторуссов оказались напрасными” (ASAS 4, 2).

В докладной записке на адрес Синода СПЦ от 16 февраля 1926 г. игумен Матфей отмечал:

Пишущий эти строки в начале месяца мая 1925 года снова приехал в Сербию, чтобы Сербская Церковь предприняла что-нибудь окончательно, т.к. в Карпатской Руси невероятные дела творятся. Чуть ли не ежемесячно выборы епископов происходят. Приехавший делегат отыскавши первый раз Преосвященного Епископа Досифея, предложил Его Преосвященству такой план: зная что Преосвященный Владыка Досифей не оставит свою Нишскую Епархию, поэтому пусть будет послан в Карп. Русь какой-нибудь другой Епископ более свободный, который бы мог остаться там временно пока не наладятся и не прекратятся беспорядки (Danylec' 2012, 137; AMSNM, 2).

Таким образом, из приведенной цитаты следует, что именно о. Матфей (Вакаров) предложил отказаться от идеи выбора епископа из местного духовенства. Можно предположить, что это была его собственная инициатива, как реакция на отказ прибыть на Подкарпатскую Русь епископа Досифея. На такие выводы нас наталкивает объявление в газете «Церковная правда» за май 1925 г., где редакция сообщала о созыве «всенародаго собрания православной церкви» на месяц июнь того же года (Beljakov 1925, 53). То есть, накануне отъезда игумена Матфея в Сербию члены Духовной консистории планировали избирать епископа именно из своего окружения.

Епископ Досифей посоветовал игумену Матфею обратиться с предложением занять карпаторусскую кафедру к владыке Митрофану (Абрамову), бывшему Сумскому архиерею. Он с 1920 г. проживал в эмиграции в Сербии, находился в юрисдикции СПЦ и был настоятелем монастыря св. Стефана в Нишской епархии (GAZO 1, 7).

Таким образом, события осени 1924 г. – весны 1925 г. показали, что православная церковь на Подкарпатской Руси оказалась в серьезном кризисе. Оставшись без реального епископского

попечения местное духовенство пыталось избрать архиерея из своей среды.

Однако этот замысел не был реализован из-за отсутствия кандидата с должным богословским образованием. В очередной раз главным претендентом на епископский престол был выдвинут архимандрит Алексей (Кабалюк), председатель Духовной консистории в Хусте и многолетний лидер православных Закарпатья. Его кандидатура была отклонена как со стороны СПЦ, так и со стороны чехословацкого правительства. Попытки объединить духовенство двух юрисдикций также не приносили должных результатов. «Чтобы спасти ситуацию и завершить процесс формирования органов церковного управления в Подкарпатской Руси епископ Досифей искал возможности направить сюда кого-то из русских епископов, проживавших в эмиграции на территории КСХС» (GAZO 1, 7).

Список использованных сокращений Архивов:

- AMSNM – Arhiv Mukačevskogo Svâto-Nikolaevskogo monastyrja.
AMZV – Archiv Ministerstva zahraničníc věcí České republiky v Praze.
Archiv KPR – Archiv Kanceláře prezidenta republiky.
ASAS – Arhiv Svetog arhijerejskog sinoda Serbskoj Pravoslavnoj Cerkvi, Belgrad.
AUEROBE – Archiv úřadu eparchiální rady olomoucko-brněnské eparchie Pravoslavné církve v českých zemích a na Slovensku, Olomouc.
GAZO – Gosudarstvennyj arhiv Zakarpatskoj oblasti.
NA Praha – Národní archiv, Praha.

Библиография

- A. 1925. „Vokrug cerkovnyh voprosov”. *Russkaâ zemlâ* 26 marta: 1.
Aleksij, arhimandrit. 1925. „K pravoslavnomu narodu”. *Russkaâ zemlâ* 13 avgusta: 1.

- AMZV 1: AMZV Praha, f. Sekce II (1919-1939), kart. 60. Složka «Pravoslavná církev československá», č. II-138978/24-VI, V. Müller v MID, 8.11.1924.
- AMZV 2: AMZV Praha, f. Sekce II (1919-1939), kart. 60. Složka «Pravoslavná církev československá», č. 1266/I/24, Â. Šeba v MID, 4.12.1924.
- AMZV 3: AMZV Praha, f. Sekce II (1919-1939), kart. 60. Složka «Pravoslavná církev československá», č. j. 157696/25/VI, V. Müller v MID, 5.01.1925.
- AMZV 4: AMZV Praha, f. Sekce II (1919-1939), kart. 60. Složka «Pravoslavná církev československá, č. j. 36/I/25, F. Černyj v MID, 26.01.1925.
- AMZV 5: AMZV Praha, f. Sekce II (1919-1939), kart. 60. Složka «Pravoslavná církev československá», Â. Šeba v MID, 9. 02. 1925.
- Archiv KPR 1: Archiv KPR, f. KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 1442, inv. č. 685, č. IV-1087/24, A. Rozsípál v Prezidiu MVD, 30.11.1924.
- Archiv KPR 2: Archiv KPR, f. KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 543, inv. č. 627, č. II-642/25, 26.01.1925.
- Archiv KPR 3: Archiv KPR, f. KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 713, inv. č. 895. č. j. 363/25, Otchet M. Garmana o sobranii v s. Saldoboš, 27.03.1925.
- AMSNM: Dokladnaâ zapiska delegata pravoslavnoj cerkvi Zakarpat'â igumena Matfeâ (Vakarova) Svâtejšemu Sinodu Serbskoj pravoslavnoj cerkvi, Belgrad, 3 (16) fevralâ 1926 g.: 1-5.
- ASAS 1: ASAS. Pismo arhimandrita Aleksiiâ (Kabalûka) – episkopu Dosifeû (Vasiču), 16.12.1924, l. 1-4.
- ASAS 2: ASAS. Pismo arhimandrita Aleksiiâ (Kabalûka), ierodiakona Afanasiâ (Chopika) – episkopu Dosifeû (Vasiču), 9.05.1925.
- ASAS 3: ASAS. Pismo episkopa Dosifeâ (Vasiča) – patriarhu Dimitriû (Pavloviču), 31.12.1924, l. 1-3.

- ASAS 4: ASAS. Pismo episkopa Dosifeâ (Vasiča) – Sinodu SPC, 23.06.1925, l. 1-2.
- ASAS 5: ASAS. Telegramma Alekseâ Geroovskogo – Sinodu SPC, 4.01.1924.
- ASAS 6: ASAS. Rezoljuciâ Arhierejskogo Sobora SPC, 6.12.1924.
- ASAS 7: ASAS. Rešenje Sinoda SPC, 21.01.1925.
- ASNM: Arhiv Svâto-Nikolaevskogo monastyrà v s. Iza. Kniga Protokolov v Svâto-Nikolaevskom monastyre s 1921 goda. Protokol №9 ot 5 fevraâ 1925 g., l. 1-2.
- AUEROBE 1: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence duchovni. Pismo arhimandrita Aleksiâ (Kabalûka) – episkopu Gorazdu (Pavliku), 25.11.1924.
- AUEROBE 2: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence duchovni. Pismo prot. I. Ilečko – episkopu Gorazdu (Pavliku), 4.02.1925.
- AUEROBE 3: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence duchovni. Pismo arhimandrita Aleksiâ (Kabalûka) – episkopu Gorazdu (Pavliku), 16.02.1925.
- AUEROBE 4: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence duchovni. Pismo o. D. Belâkova – episkopu Gorazdu (Pavliku), priblizitel'no fevral' 1925.
- AUEROBE 5: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Podkarpatská Rus. Pismo o. D. Belâkova – episkopu Gorazdu (Pavliku), 1.04.1925.
- AUEROBE 6: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence duchovni. Pismo arhimandrita Aleksiâ (Kabalûka) – episkopu Gorazdu (Pavliku), 4.05.1925.
- AUEROBE 7: AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Srbská církev, Zhurna interpelatsija Poslannika D-r Gagatka i drugovo na vlast' v tsrkvenom odnoshajima v Podkarpatskoj Rusijy, 25.02.1926, l. 1-5.

- Beljakov, Dimitrij, svâš. 1925. „Ot eparhial'nogo upravleniâ”. *Cerkovnaâ pravda* maj: 53.
- Bureha, Vladymyr. 2009. „Chekhoslovatska vlada ta Pravoslavna Tserkva v Pidkarpatskii Rusi (Zakarpatskii Ukraini) v 1920-30-ti roky”. *Trudy Kyivskoi Dukhovnoi Akademii* 10: 260-261.
- Cinek, František. 1926. *K náboženské otázce v pavních letech naši samostatnosti, 1918-1925*. Olomouc: Lidové závody tiskařské a nakladatelské.
- Danylec', Ťurij. 2012. „Iz dokumentiv osobystogo arhivu arhimandryta Matfeâ (Vakarova)”. *Rusyn* 3: 127-140.
- Danylec', Ťurij. 2016. „Časopys Karpatorus'koj' pravoslavnoj' cerkvy – «Cerkovnaâ Pravda» 1925-1927 rr.”. W *Pravoslavie a súčasnosť. Zborník príspevkov zo VIII. vedeckej konferencie študentov, absolventov a mladých vedeckých pracovníkov s medzinárodnou účasťou, 5. apríl 2016*. Miroslav Humenský (ed.). 25-37. Prešov: Univerzitná knižnica Prešovskej univerzity v Prešove.
- Dr. A. Hajn. O stát. rozpočtu pro r. 1924 (zpr. t. 4300); (poměry na Podkarpatské Rusi. 229, 22.11.1923; 404. VIII. In <https://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/229schuz/s229007.htm> (poslednij vizit 26.09.2020); <https://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/229schuz/s229008.htm> (poslednij vizit 26.09.2020).
- „Fundatory «Cerkovnoj Pravdy»”. 1926. *Cerkovnaâ pravda* fevral': 83-85.
- Gagatko, Andrej A. d-r. 1926. „Zapros deputata d-ra Andreâ Gagatko”. *Russkaâ zemlâ* 25 fevralâ: 1.
- Gagatko, Andrej JUDr. *Dotaz: že se na Podkarpatské Rusi a v ruské části Slovenska sabotuje zákon č. 96/1925 o vzájemných poměrech náboženských vyznání*, 11, 25.02.1926; 473, I. <https://www.psp.cz/eknih/1925ns/ps/stenprot/011schuz/s011001.htm> (data dostěpu 26.09.2020).
- GAZO 1: GAZO, f. 2, op. 2, d. 90.
- GAZO 2: GAZO, f. 2, op. 2, d. 832.
- GAZO 3: GAZO, f. 15, op. 3, d. 1103.

- GAZO 4: GAZO, f. 15, op. 3, d. 1110.
- GAZO 5: GAZO, f. 117, op. 2, d. 1518.
- GAZO 6: GAZO, f. 117, op. 7, d. 35.
- GAZO 7: GAZO, f. 151, op. 7, d. 1861.
- GAZO 8: GAZO, f. 217, op. 5, d. 502.
- Hajn, Antonín. 1925. Školství. Náboženské poměry. Úřednictvo. Finance. Autonomie. Buditelská práce. Závěrečné úvahy. W *Osm přednášek o Podkarpatské Rusi* (bez redaktorů), 98-100. Praha: České učení politické.
- Hajn, Antonín PhDr. *I B. Voleb Kraj*. <https://www.psp.cz/sqw/detail.sqw?id=1398&org=293> (data dostěpu 26.09.2020).
- „Intervence posl. dra Gagatka v církevních záležitostech”. 1925. *Za pravdou* 30 dubna: 80.
- „Intervencii deputata br. d-ra A. Gagatka v cerkovnyh delah”. 1925. *Russkaâ zemlá* 9 aprilâ: 1.
- „Iz žizni Karpator. Pravoslavnoj Cerkvi”. 1924. *Russkaâ zemlá* 24 dekabrá: 2.
- K. 1925. „Vokrug cerkovnyh zakonov”. *Russkaâ zemlá* 9 aprilâ: 1.
- Marek, Pavel. 2020. *Obtížný cizinec. Vladyka srbské pravoslavné církve Dositej (Vasic) a meziválečné Československo (1920-1939)*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- NA Praha 1: NA Praha, f. Ministerstvo školství a národní osvěty 1918-1938 (dále MŠ), sign. 47 I, kart. 3818, Vnutrennáâ dokumentaciâ, 13.03.1926.
- NA Praha 2: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 I, kart. 3818, č. j. 266/26, Prezidium županatskogo upravleniâ v Mukačevo v Političeskoe upravlenie Podkarpatskoj Rusi, 15.04.1926.
- NA Praha 3: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 I, kart. 3818, č. j. 13108/26. Prezidium županatskogo upravleniâ v Velikom Sevljuše v Političeskoe upravlenie Podkarpatskoj Rusi, 6.05.1926.
- NA Praha 4: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. IV-1087/24, A. Rozsypal v Prezidium MVD, 30.11.1924.

- NA Praha 5: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. 21767, MVD v MŠiNO, 6.12.1924.
- NA Praha 6: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. 76786/25. MŠiNO. Ekzempláry memoranduma s podpisami pravoslavných komitetov i pečatami.
- NA Praha 7: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. II-147/25. A. Rozsypal v MŠiNO, 8.01.1925.
- NA Praha 8: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. IV-24/25. A. Rozsypal v MŠiNO, 15.01.1925.
- NA Praha 9: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. 4379/25. V. Müller. Vnutrenná dokumentaciá, 20.01.1925.
- NA Praha 10: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. 162293/24. Vnutrenná dokumentaciá, MŠiNO, 26.01.1925.
- NA Praha 11: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. 2043, Prezidium MVD v MŠiNO, 4.02.1925.
- NA Praha 12: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. j. 116/I/25. Â. Šeba v MID, 9.02.1925.
- NA Praha 13: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. 1267/25, A. Rozsypal v MŠiNO, 24.03.1925.
- NA Praha 14: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. j. 39851/25, A. Rozsypal v MŠiNO, 24.03.1925.
- NA Praha 15: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. 1528/25, A. Rozsypal v MŠiNO, 26.03.1925.
- NA Praha 16: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. j. 41821, Otčet M. Garmana o sobranii v s. Saldoboš, 27.03.1925.
- NA Praha 17: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3908, č. j. 1862/25, Otčet M. Garmana o sobranii v s. Saldoboš, 27.03.1925.
- NA Praha 18: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č. 1267/25, A. Rozsypal v MŠiNO, 24.04.1925.
- NA Praha 19: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 VII, kart. 3909, č.j. 57513, A. Rozsypal v MŠiNO, 27.04.1925.

- NA Praha 20: NA Praha, f. MŠ, sign. 47 I, kart. 3818, č. 5951. Ministerstvu pro správu Slovenska, 3.08.1926.
- NA Praha 21: NA Praha, f. Předsednictvo ministerské rady, sign. 263, kart. 142. č. j. 2078, Otčet M. Garmana o sobranii v s. Saldoboš, 27.03.1925.
- „Neurâdica sredi pravoslavnogo duhovenstva”. 1924. *Russkaâ zemlâ* 24 dekabrá: 1.
- „Novyj cerkovnyj zakon”. 1925. *Russkaâ zemlâ* 14 maâ: 2.
- „Novyj zakon o perehode v druguû veru”. 1925. *Cerkovnaâ pravda* mart-aprel’: 36-27.
- Ol’hovij, L., prot., Beljakov, D., svâš. 1925. „Ot Duhovnoj Konsistorii Karpatorusskoj Avtonomnoj Pravoslavnoj Cerkvi”. *Russkaâ zemlâ* 9 ânvarâ: 2.
- „Opredelenie serbskogo sobora o karpatorusskoj Cerkvi”. 1925. *Cerkovnaâ pravda* fevral’: 15-16.
- „Ot eparhial’nogo upr. Karpatskoj Rusi”. 1925. *Cerkovnaâ pravda* maj: 48.
- „Poslanec Dr. Hajn o Podkarpatské Rusi”. 1925. *Za pravdou* 30 dubna: 80.
- „Před volbou pravoslavného biskupa na Podkarpatsku”. 1925. *Lidové noviny* 10 února: 2-3.
- „Ruská deputace z Podk. Rusi”. 1925. *Za pravdou* 16 dubna: 71.
- Sbírka zákonů a nařízení státu československého*. 1925. Ročník 1925. Čaštka 40. Vydána dne 9. Května: 497-500.
- Sergij C’oka ieromonah. 2013. *Pravoslavie i inocheskaâ žizn’ v Zakarpat’e v pervoj polovine 20 stoletia*. Lipcha: Zhenskij monastyr Roždestva Presvyatoj Bogorodicy.
- „Sjezd pravoslavných knězi z Podkarpatské Rusi”. 1925. *Podkarpatské hlasy* 25 dubna: 4.
- „Srbský pravoslavný synod a pravoslavi v Československu”. 1925. *Národní listy* 7 ledna: 3.
- Srbský 1: „Srbský pravoslavný synod a pravoslavné hnutí v Československu”. 1924. *Čech* 24 prosince: 1-2.

- Srbský 2: „Srbský pravoslavný synod a pravoslavné hnutí v Čsl.“. 1924. *Národní listy* 24 prosince: 1.
- Stojka, Aleksandr o. 1925. „Novyj cheskosl. zakon «O vzaimnyh otnosheniâh mezhdû raznymi veroispovedaniâmi»“. *Dushpastyr'* 6 junij: 274-280.
- „Vnimaniû pravoslavnyh komitetov“. 1925. *Russkaâ zemlâ* 28 maja: 1.
- „Vopros pravoslaviâ“. 1925. *Russkaâ zemlâ* 1 ânvarâ: 2.
- „Z Podkarpatské Rusi. Srbská pravoslavná církev vzdala se zasahování do poměrů náboženských v Podk. Rusi?“ 1925. Československá republika 29 ledna: 2-3.
- „Začem togda zakony?“ 1926. *Russkaâ zemlâ* 21 ânvarâ: 1-2.
- „Zadostiučinění“. 1925. Český zápas 1 ledna: 7.
- „Zakon z dnâ 23 aprelâ 1925, o vzaemnyh veroispovednyh odnosinah“. 1925. *Urjadovyj vestnyik* 30 septembra: 149-155.
- „Zapros deputata d-ra Andreâ Gagatko“. 1926. *Russkaâ zemlâ* 25 fevralâ: 1.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXIII

Zeszyt 3

ROCZNIK TEOLOGICZNY

WARSZAWA 2021

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Sławik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

bp prof. dr hab. Wiktor Wysoczański, ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

bp prof. ucz. dr hab. Marcin Hintz, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Redakcja językowa – Kalina Wojciechowska

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

W związku z wprowadzaniem równoległej publikacji czasopisma w wersji papierowej i elektronicznej Redakcja „Rocznika Teologicznego” informuje, iż wersją pierwotną jest wersja papierowa.

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANSH [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]

PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

ISSN 0239-2550

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Objętość ark. wyd.: 14,4. Nakład: 100 egz.

Druk: druk-24h.com.pl

ul. Zwycięstwa 10, 15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

- AЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ СИЗИКОВ, *Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова в церковнославянских и русских переводах*..... 773
- НАДЕЖДА МОРОЗОВА, *К истории экземпляра «Апостола» печати Мамоницей из фондов Академической библиотеки Латвийского университета* 815
- ЮРИЙ ДАНИЛЕЦ, *Институциональные и юрисдикционные коллизии в жизни православной церкви на Подкарпатской Руси (осень 1924 г. – весна 1925 г.)*..... 841
- ADAM MAGRUK, *Obrzęd przekazania ‘depozytu kapłana’ w liturgicznej tradycji Kościoła prawosławnego*..... 883
- СВЕТЛАНА ШУМИЛО, *Виды и способы заимствования из гимнографии в произведениях стиля плетение словес*..... 895
- BARTŁOMIEJ SŁOJEWSKI, *Motyw środowiska naturalnego w repertuarze pieśniowym Kościoła Starokatolickiego Mariawitów w RP*..... 927
- KATARZYNA MIRIAM KACZOROWSKA, *Tikkun Olam in the ecological perspective*..... 961
- ŻAKLINA SKRENTY, *Zjawisko wykluczenia ekologicznego w świetle personalizmu chrześcijańskiego*..... 985
- ЕЛՋБИЕТА БЕДНАРЗ, *Zagadnienia proekologiczne w edukacji religijnej, z uwzględnieniem tradycji zielonoświątkowej*..... 1007
- MIROSLAW A. MICHALSKI, *Edukacja proekologiczna w nauczaniu religii w Kościele Polskokatolickim*..... 1031
- IZABELA KOCHAN, JOANNA LEWCZUK, ANNA WALCZAK, *Satysfakcja z życia studentów w czasie edukacji zdalnej w Polsce a deklarowana wiara w Boga* 1047
- JOANNA M. ŁUKASIK, NORBERT G. PIKUŁA, KATARZYNA JAGIELSKA, *Religiosity among retired teachers* 1069
- Wykaz autorów 1089

Contents

ARTICLES

ALEKSANDR VLADIMIROVIČ SIZIKOV, <i>The Wisdom of Ben Sira in Slavic and Russian translations</i>	773
NADEŽDA MOROZOVA, <i>To the history of the copy of “Apostolos” published in Mamonichy printing house from the collection of the Academic Library of the University of Latvia</i>	815
ŪRIJ DANILEC, <i>Institutional and Jurisdictional Collisions in the Orthodox Church's Life in Subcarpathian Rus (Autumn 1924 – Spring 1925)</i>	841
ADAM MAGRUK, <i>The rite of the ‘priest's deposit’ in the liturgical tradition of the Orthodox Church</i>	883
SVETLANA SHUMIL, <i>Types and methods of borrowing from hymnography in works of the style of weaving words</i>	895
BARTŁOMIEJ SŁOJEWSKI, <i>Environmental Theme in the Hymn Repertoire of the Old Catholic Mariavite Church in the Republic of Poland</i>	927
KATARZYNA MIRIAM KACZOROWSKA, <i>Tikkun Olam in the ecological perspective</i>	961
ŻAKLINA SKRENTY, <i>The Phenomenon of Ecological Exclusion in the Light of Christian Personalism</i>	985
ELŻBIETA BEDNARZ, <i>Pro-ecological concepts in religious education, considering the Pentecostal tradition</i>	1007
MIROSLAW A. MICHALSKI, <i>Pro-environmental education in the teaching of religion in the Polish Catholic Church</i>	1031
IZABELA KOCHAN, JOANNA LEWCZUK, ANNA WALCZAK, <i>Student life satisfaction during remote education in Poland and the declared faith in God</i>	1047
JOANNA M. ŁUKASIK, NORBERT G. PIKUŁA, KATARZYNA JAGIELSKA, <i>Religiosity among retired teachers</i>	1069
List of authors	1089

Wykaz autorów

- Aleksandr Vladimirovič Sizikov**, alexsizikoff@yahoo.co.uk, Saknt-peterburskij Gosudarstvennyi Universitet, Kafedra Bibleistiki, Universitetskaia nab. 7-9-11. Sankt-Peterburg 199034
- Nadežda Morozova**, nadja.moroz@gmail.com, Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva / Lithuania
- Ūrij Danilec**, juriy.danilec@uzhnu.edu.ua, Užgorods'kij Nacional'nyi Universitet, Pl. Narodnaâ 3, 88000 Uzhorod, Ukraina
- Adam Magruk**, a.magruk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa
- Svetlana Shumilo**, shumilosm@gmail.com, Nacionalnyj Universitet „Černigovskij Kollegium” imeni T. G. Ševčenko. Černigov, ul. Getmana Polubotka 53. 14000 Ukraina
- Bartłomiej Słojewski**, bslojewski000@gmail.com, ul. Tadeusza Kościuszki 88, 05-120 Legionowo
- Katarzyna Kaczorowska**, kkaczorowska@student.chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa
- Żaklina Skrenty**, zaklina.skrenty@interia.pl, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Wydział Nauk Politycznych i Dziennikarstwa, Zakład Studiów nad Bezpieczeństwem, ul. Uniwersytetu Poznańskiego 5, 61-614 Poznań
- Elżbieta Bednarz**, e.bednarz@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa
- Mirosław A. Michalski**, m.michalski@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Izabela Kochan, i.kochan@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna
w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Joanna Lewczuk, j.lewczuk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna
w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Anna Walczak, a.walczak@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna
w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Joanna M. Łukasik, joanna.lukasik@up.krakow.pl, Uniwersytet Pedagogiczny
w Krakowie, Centrum Kształcenia Nauczycieli, ul. Ingardena 4, 30-060
Kraków

Norbert G. Pikuła, norbert.pikula@up.krakow.pl, Uniwersytet Pedagogiczny
w Krakowie, Instytut Spraw Społecznych, os. Stalowe 17, 31-922 Kraków

Katarzyna Jagielska, katarzyna.jagielska@up.krakow.pl, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie, Instytut Spraw Społecznych, os. Stalowe 17, 31-922 Kraków